

Русская идиома *в никуда* как разговорное клише и поэтизм

Ирина В. Фуфаева

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия, iriel@inbox.ru

Аннотация. На материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) сравнивается функционирование идиомы *в никуда* в качестве поэтизма, с одной стороны, и разговорного клише – с другой. Исследуемая единица возникла в качестве поэтизма в нач. XX в. и встречается в произведениях поэтов всех направлений и школ, в том числе Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Бориса Слуцкого, Генриха Сапгира, Иосифа Бродского, Бориса Рыжего и пр. Проникнув с 1930-х гг. в разговорную речь и бытовой дискурс, она развивает функцию разговорного клише, продолжая активно употребляться и в функции поэтизма. Была поставлена задача исследовать семантику единицы в обоих случаях. Анализ поэтического и устного подкорпусов НКРЯ показал, что семантический потенциал идиомы реализуется в обоих случаях весьма отличающимся образом. Реализация семантического потенциала в поэтических текстах гораздо разнообразнее и сложнее, семантические параллели между разговорным и художественным использованием исследуемой единицы практически не выявляются. Таким образом, семантический потенциал идиомы *в никуда* позволил ей устойчиво функционировать в качестве поэтизма, несмотря на использование в разговорной речи.

Ключевые слова: русский язык, русская поэзия, поэтизм, идиома, языковые клише, субстантивация наречий

Для цитирования: Фуфаева И.В. Идиома *в никуда* как разговорное клише и поэтизм // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 181–192. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-181-192

Russian idiom *v nikuda* 'to nowhere' as a colloquial cliché and poeticism

Irina V. Fufaeva

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, iriel@inbox.ru

Abstract. The article, based on the material of the National Corpus of the Russian Language (NRC), compares the use of the Russian idiom *v nikuda* 'to nowhere' as poeticism, on the one hand, and a colloquial cliché, on the other. The unit under study arose as a poeticism in the beginning 20th century and is found in the works of poets of all directions and schools, including Marina Tsvetaeva, Anna Akhmatova, Boris Slutsky, Genrikh Sagir, Joseph Brodsky, Boris Ryzhy, etc. Having penetrated since the 1930s. into colloquial speech and everyday discourse, it develops the function of colloquial cliché, while continuing to be actively used in the function of poeticism. The task was set to study the semantics of the unit in both cases. The analysis of the poetic and oral subcorpora of the NRC showed that the semantic potential of the idiom is realized in both cases in a very different way. The realization of the semantic potential of the idiom in poetic texts is much more diverse and complex; semantic parallels between the colloquial and poetic use of the idiom are practically not identified. Thus, the semantic potential of the idiom *v nikuda* 'to nowhere' allowed it to function consistently as poeticism, despite its use in colloquial speech. substantiation of adverbs.

For citation: Fufaeva, I.V. (2024), "Russian idiom *v nikuda* 'to nowhere' as a colloquial cliché and poeticism", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 181–192, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-181-192

Настоящая работа продолжает исследование идиомы *в никуда* [Фуфаева 2023], выявившее, что она возникла как поэтизм в начале XX в. и лишь с 1930-х гг. проникла в бытовые контексты; сейчас употребляется и в устной речи, и в медиа, функционируя как универсальное клише, но, судя по НКРЯ, до сих пор наиболее частотна в поэтической речи.

Среди авторов поэтических текстов, содержащих идиому, есть представители самых разных направлений, школ и эпох, от литераторов Серебряного века до советских поэтов и авторов андеграунда. Выражение употребляли традиционалисты и экспериментаторы: Марина Цветаева и Константин Симонов, Борис Слуцкий и Иван

Жданов, Иосиф Бродский и Борис Рыжий и множество других авторов. Поскольку поэтическая речь в целом противится использованию клише, в новом исследовании была поставлена задача выявить различия в функционировании идиомы в разговорной речи и в качестве поэтизма. Предполагается, что востребованность идиомы в поэзии обусловлена ее семантическим потенциалом, позволяющим вкладывать в нее разное содержание и передавать разные состояния мира и лирического героя, избегая клишированного употребления.

В никуда представляет собой редкий для русского языка случай языковой субстантивации наречия, проявляющейся в его сочетании с предлогом и ограниченной рамками идиомы. Принципиально важна семантика наречия: местоименного отрицательного наречия места. В этом отличие от немногочисленных книжных примеров контекстуальной субстантивации наречий в свободных словосочетаниях с прилагательными, приводимых, например, в примерах в статье [Петрова 2009]: «*Терпения и веры, любви и волшебства, трагическое после, счастливое сперва*» (Булат Окуджава «Ах, если б знать заранее, заранее, заранее...»), где наречие может быть любым (ср. «*трагическое скоро*»). Аграмматичное употребление *никуда* с предлогом и с глаголами без отрицательной частицы *не*: *уйду в никуда*, как *уйду в лес* (стандартно: *никуда не уйду*) отражает нарочитое нарушение логики: «двигаться никуда» невозможно, любое движение куда-то направлено – и создает языковую выразительность.

Семантический потенциал слова, что можно отнести и к идиоме, определяется как

...возможности, которые предоставляет говорящим исходное значение и связанная с ним ситуация для осмысления, концептуализации других ситуаций, и, с другой стороны, сам круг ситуаций разных типов и разной природы, на которые данное слово можно «распространить» [Кустова 2004, с. 30].

В никуда может выражать ситуации движения в неизвестном направлении; в тупик, где движение уже невозможно; отсутствия направлений, по которым можно двигаться; отсутствия возможности осмысленного движения и т. д. Реализация семантического потенциала в поэзии должна отличаться от обычного употребления.

Исследование проводилось корпусными и источниковедческими методами, материалом послужили данные НКРЯ.

Употребление идиомы как разговорного клише анализировалось с помощью классификации содержащих идиому контекстов устного подкорпуса НКРЯ (39 шт.).

Контексты первой группы описывают бесполезные действия, когда усилия или вложенные ресурсы не достигают цели, которой может быть гол в футболе, попадание лекарства в организм, нахождение информации в интернете и т. д.:

Но нас ну в общем в никуда / нас прямо в руки бразильскому вратарю (Виктор Гусев. Спортивный репортаж: футбол. Россия – Бразилия. Товарищеский матч. 01.03.2006. (2006))

Скажем / там есть отсылки в никуда/ когда говорят / «смотри статью такую-то» / а такой статьи нет / или у нее части такой нет [Беседа К. Лариной с С. Пашиным в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003–2004)].

Не достичь цели могут выделенные деньги, призывы, обращения, предложения:

А полтора миллиарда рублей списали в никуда/ в новое здание (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) (2003))

Мы их не просто там люди пособирались и это ушло в никуда/ то есть мы результаты форсайтов выносим на правительство и смотрим там (Алексей Цыденов, Анна Атанова. Врио Главы Бурятии Алексей Цыденов в программе «От первого лица» (2017)).

В этих случаях *в никуда* интенсивно выражает значение ‘зря, тщетно, впустую’ (более частные значения ‘мимо цели’, ‘без отклика’ и т. д.).

Вторая группа контекстов передает ситуацию, когда некое лицо покидает источник материальных благ: работу, жилье и др., не имея другого источника:

(Саша, муж, 25, бухгалтер) *Не хочется уходить в никуда... но они обнаглели* (Разговор друзей (2006)).

В этих случаях *в никуда* интенсивно выражает значение ‘наудачу, без подстраховки’.

Итак, разговорное клише идиома *в никуда* полисеманлично, его значения достаточно четко очерчены и воспроизводятся в разных ситуациях.

Два отрывка из устных монологов-воспоминаний за рамками этих групп содержат признаки художественного произведения, идиома в них является скорее художественным образом, чем разговорным клише, о чем ниже.

Что касается поэтических контекстов, анализ показал невозможность их жесткой классификации; идиома *в никуда* в них является частью сложных образов. Рассмотрим некоторые примеры из НКРЯ, в основном из поэтического корпуса, но также и тексты из основного корпуса, связанные с поэзией.

В сочетании с лексикой с семантикой взгляда идиома может быть частью образа бесцельного оцепенения. Впервые такое употребление встречается в романе «Проклятый род» поэта-символиста Ивана Рукавишников, содержащем самые ранние на данный момент обнаруженные употребления идиомы; 9 контекстов из 10 описывают направление взгляда героя:

*И кричал гондольерам: – Subito! Subito! И мчались потом тихие. И вволю глядел на Юлию Степа. Она же **в никуда**. Околдовала сказка каналов. И другое что-то виделось, родное, печальное, влюбленное. Красиво, но не могла надолго быть в стенах* (И.С. Рукавишников. Проклятый род (1912)).

Стиль романа типичен для прозы поэтов-символистов:

Но духи крепости далекой под косым потолком в тучу сбились. Но смех, словами шутивными порожденный, тут же, над ними, над братом с сестрой порхает, смотрит.

Смех не случайно «смотрит», это действие очень значимо в романе и описывается подробно и метафорически:

*И скоро сидел, **глазами пил камни старины**, молчащий среди молчащих* (И.С. Рукавишников. Проклятый род (1912)).

Описание взгляда, важная часть образа героя, создается в том числе с помощью исследуемой идиомы:

*Дорофея лицо слезящееся покрасневшее тихо подняла. **В никуда** глядя глазами круглыми, как окнами тюрьмы башенной, заговорила себе ли, матери ли голосом полуживым, как колоколом надтреснутым, зазвонила над пустынею:*

– Вот умрет Сергей. Через неделю умрет. А может, завтра.

Глядеть в никуда – регулярная метафорическая характеристика бесцельного взгляда, симптома транса, оцепенения, охватывающего героев, поздних представителей «проклятого рода»:

*От берегов Невы огнистых взор отвел. Зою увидал, опять тоскливо
в никуда глядящую. На него не взглянув, сказала медленно:
– Мансарда? Мансарду хорошо.*

Транс и оцепенение демонстрируют отсутствие у героев видения перспектив и способности к действию, паралич воли, отличающий новое поколение от предков, создавших богатство рода. Он может сочетаться со страхом, ужасом:

*Не смотрит Виктор на Зою. В никуда смотрит с грустью забвенной,
ужаснувшейся.*

Безволие и оцепенение, застывание в транс – типичные черты персонажей и других авторов Серебряного века: Андрея Белого, Федора Сологуба, Алексея Ремизова и часть характеристики эпохи, какой она представлялась изнутри современникам.

Близкая специфика употребления оборота *в никуда* впоследствии используется различными авторами, чтобы выразить состояние отрешенности, которое может сочетаться с печалью, отчаянием, безысходностью:

*Там ждут отец и мать к себе немого сына, / А он глядит в окно
и смотрит в никуда* (Иван Жданов. До слова (1978–1991 гг.))
Я, полон печали, / Гляжу в никуда (Борис Рыжий. С любовью (1996)) и др.

В устных контекстах НКРЯ *в никуда* не сочетается со словами с семантикой взгляда, аналогичная роль у него отсутствует.

Частью метафоры освобождения от чего-то мучительного стала идиома у представителя следующего по отношению к символистам поколения, футуриста, затем имажиниста Вадима Шершеневича, которому принадлежит наиболее раннее употребление идиомы в собственно поэтическом подкорпусе НКРЯ: четырежды в цикле стихов 1918 г., включенном в книгу «Лошадь как лошадь» (1920 г.) (стихотворения «Принцип параллелизма тем», «Тематический круг» и «Принцип поэтической грамматики»). В цикле зашифрована ситуация, когда лирический герой надеется на освобождение от тяготящего чувства.

*Все исчезнет, как будто ты не был на свете,
Не вступал в мое сердце владеть и царить,
Все пройдет в никуда...*

(В.Г. Шершеневич. Принцип параллелизма тем: «Были месяцы скорби, провала и смуты...» (01.1918)).

«*Все исчезнет*» и «*Все пройдет в никуда*» в этом контексте синонимичны. Лирический герой восхищается усилиями своего «*разума*» и «*помыслов*», которые «*ринулись дружною ратью*», чтобы наваждение исчезло, и обращается к предмету страсти: «*ты сорвешься с престола, словно с губ проклятьи*». В *никуда* интенсифицирует и в то же время «сдвигает», пользуясь термином А.Е. Крученых [Крученых 1922], выражение «*все пройдет*». В следующем стихотворении цикла идиома возникает в рефрене «*Все течет в никуда*», где «все» вновь обозначает тяготящее чувство:

*Все течет в никуда. С каждым днем отмирающим
Слабже мой вой <...>
И теперь мне кажутся малы до смешного
Все бывшие волненья, кипятившие сердце и кровь,
И мой трепет от каждого нежного слова,
И вся заполнявшая годы любовь* (В.Г. Шершеневич. «Тематический круг» (04.1918)).

В стихотворении «Принцип поэтической грамматики» лирический герой продолжает добиваться свободы, обращаясь к собственному сердцу «*Наседкой страстей не клохчи*»; строка «*Эти нежные весны на крыльях вампира пролетают глядеть в никуда*» напоминает заклинание, которое должно побудить «нежные весны», очевидно, символизирующие время любовных переживаний, полностью исчезнуть.

В целом *в никуда* выступает в цикле как интенсификатор движения в направлении прочь от говорящего, придает максимальную степень семантике исчезновения чего-то, что в тексте не названо прямо.

Далее, за рамками поэзии, но в связи с нею, *в никуда* может метафорически выражать чью-то связь с нездешним, трансцендентальным началом. Эта роль возникает в документальных текстах разных авторов 1920–1930-х гг. при описании поэтов и мистиков. Например, журналист Владимир Рындзюн (псевдоним А. Ветлугин), бывший секретарь и переводчик Сергея Есенина, описывает его так:

Голова, запрокинутая в безбрежность, глаза не в небо и не в землю, а так, поверх присутствовавших, в «никуда»... (А. Ветлугин. Воспоминания о Есенине (1926)).

Упомянувшийся поэт Вадим Шершеневич с помощью идиомы характеризует также упоминавшегося поэта Ивана Рукавишников:

*Рукавишников всегда говорил трезво, но стоило вам прислушаться к тому, что он говорил, а не к тону его речи, и вы немедленно понимали, что это бред сумасшедшего. За всей трезвой логикой его рассуждений была какая-то грань пропадания **в никуда** (В.Г. Шершеневич. Веклопный очевидец (1934–1936)) (мемуары не публиковались при жизни автора).*

Поэт-акмеист Михаил Кузмин передает самохарактеристику поэта-символиста Андрея Белого:

*...он «прыгает не **“в никуда”**, как уверяет, а в ту же литературу» (М.А. Кузмин. Мечтатели (1921)).*

Сам Андрей Белый использует идиому в мемуарах в отношении загадочной фигуры – Анны Минцловой, мистика, участницы «Башни» Вячеслава Иванова, таинственно и бесследно исчезнувшей в 1910 г.:

*Минцлова большеголовая, грузно-нелепая, точно пространством космическим, торичеллиевой своей пустотой огромных масштабов от всех отделенная, – в черном своем балахоне она на мгновение передо мною разрослась; и казалось: ком толстого тела ее – пухнет, давит, наваливается; и – выхватывает: **в никуда!** (Андрей Белый. Между двух революций (1934).*

Т. е. разные мемуаристы прибегали к одному и тому же выразительному средству для передачи принадлежности описываемого к иной реальности, помещая его в разные контексты: *глядеть в никуда, пропадать в никуда* и т. д., но во всех случаях противопоставляя материальному миру как таинственную область, недоступную непосвященным. В устном корпусе НКРЯ также нет контекстов с похожей семантикой.

В творчестве Анны Ахматовой поэтизм встречается пять раз в стихотворениях конца 1930-х – начала 1960-х гг., которые долго не могли быть не только опубликованы, но и записаны, и неразрывно связан с историческим и биографическим фоном, наиболее детально исследованным В.А. Черных [Черных 2008].

В строках «Реквиема» («*Семнадцать месяцев кричу, Зову тебя домой...*»), созданных в августе-сентябре 1939 г. в связи с арестом в марте 1938 г. Л.Н. Гумилева, речь идет не только о судьбе сына; лирическая героиня видит знамение собственной скорой гибели (известно, что следователь пытками добивался от Л.Н. Гумилева показаний на мать, от которых тот отказался на суде):

*Все перепуталось навек,
И мне не разобрать,
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кадилный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.*

В следующем 1940 г. Ахматова пишет стихотворение «Один идет прямым путем...». В зашифрованных образах проглядывают намеки на судьбы близких людей. Идиома *в никуда* в паре с окказиональной конструкцией *в никогда* вновь характеризует путь лирической героини в безвестность и неминуемую, как ей кажется, гибель:

*А я иду – за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.*

Далее Ахматова использует идиому в 1956 г., спустя годы после войны и встречи в послевоенном Ленинграде с английским дипломатом Исайей Берлином, которой Ахматова придавала огромное, почти мировое значение, на фоне гонений, отсутствия публикаций, переживаний за находящихся в лагерях близких, болезни. В 1956 г. был осужден сталинский террор, вернулся из лагеря Л.Н. Гумилев, 67-летней Ахматовой обещают публикацию сборника; но, по воспоминаниям очевидцев, ей чужда вера в перемены; страх за сына заставляет отказаться во встрече приехавшему и позвонившему Берлину. Стихотворение «*Меня и этот голос не обманет*» не закончено, события и лица зашифрованы; часть текста, в которой появляется поэтизм, по-видимому, возвращает лирическую героиню в момент гибели прежней России, разлома, выбора, расставания с друзьями и любимыми:

*Все уезжают – я должна остаться...
Стоят оледенелые года.
И с кем-то можно наспех попрощаться
У лестницы, ведущей **в никуда.***

Следующие два текста, в которых употреблена идиома, относятся к самому началу 1960-х гг. Стихотворение «Выход книги» посвящено публикации небольшого сборника. Ахматову в целом крайне редко публиковали; по идеологическим мотивам сборник готовился долго, пересоставлялся, сокращался, в итоге был снабжен послесловием, являвшимся, по мнению самой поэтессы, «просто пересказом приснопамятного Андрея Александровича <Жданова>» [Черных 2008, с. 557]. В стихах поэт, как хозяин, принимает гостей-читателей, ведя их не «в хоромы», не «под своды шалаша», не «в ночь истомы»: «моим – и дыба хороша».

*Зачем, какие и откуда,
И по дороге в никуда,
Что их влечет – какое чудо,
Какая черная звезда?*

Идиома характеризует судьбы читателей, похожие на судьбу автора.

Наконец, строчка «в никуда слова мои ведут» в «Стихах из ненаписанного романа», по-видимому, относится к публикационному безмолвию и огорчившему Ахматову мнению, сформировавшемуся в тогдашней западной библиографии, о том, что она не писала после начала 1920-х гг. «Слова», т. е. творчество, уподобляются воротам в Коломенском, за которыми ничего нет, «и это все совсем на смерть похоже», т. е. в никуда вновь обозначает безвестность, литературную гибель.

Во всех случаях идиома характеризует направление движения: *иду в никуда, следы в никуда, лестница, ведущая в никуда, слова, ведущие в никуда*. Она включена в семантический ряд *казнь, гибель, дыба, беда, (крушение) поездов с откоса, грозит, опасно, убийца, труп, смерть* и метафорически выражает гибель, физическую или литературную, в связи с событиями XX в., жертвами которых был круг Ахматовой.

Близкий смысл в рамках иной поэтики обретает идиома в стихотворении Бориса Слуцкого «После реабилитации» (1956), описывающем самоубийство советского военного деятеля Яна Гамарника в Сокольниках в 1937 г. в ожидании неминуемого ареста, когда его «история... с доски снимала, как пешку, и бросала в никуда».

Два контекста устного подкорпуса НКРЯ, в которых идиома тоже выступает метафорой обреченного ухода, имеют, несмотря на устную форму, признаки литературного произведения (мемуаров), и роль идиомы в них близка к выразительному средству художественной речи. Пример – отрывок из монолога актрисы

А.В. Азарх-Грановской 1892 г. р., в котором она описывает уход Николая Гумилева после их встречи:

*И фигура Гумилева/ за которым я следила/ стала удаляться/ потом куда-то растворилась в этой темноте/ какая-то обреченная/ трагическая. И так и остался у меня Гумилев/ вот убегающий куда-то в **никуда**/ в серую какую-то туманную массу. Так грустно стало от его ухода. С тех пор всегда/ когда говорят о Гумилеве и сама я о нем думаю/ я вижу эту фигуру/ тоскливую/ куда-то уходящую и определению обреченную (А.В. Азарх-Грановская, В.Д. Дувакин. Беседы с А.В. Азарх-Грановской: Беседы 1–3 (1968)).*

Итак, идиома *в никуда*, появившаяся в русском языке как поэтизм и затем проникая в разговорную речь, по-разному функционирует в обоих дискурсах. Разговорное клише употребляется в значениях: ‘зря, тщетно, впустую’ (*нас в никуда, предложение не уйдет в никуда* и т. п.) и ‘наудачу, без подстраховки’ (*уйти из дома в никуда*). Поэтизм выступает, напр., метафорой неподвижного, оцепеневшего взгляда, обреченности на гибель, связи с «потусторонним» и т. д., наполняясь в творчестве конкретного автора, в конкретном тексте разным содержанием. Приведенные примеры не исчерпывают семантического и образного потенциала идиомы в художественной речи, но демонстрируют их богатство, а также практическое отсутствие параллелей с употреблением *в никуда* как разговорного клише. По-видимому, возможность выражать разнообразные сложные смыслы и обуславливает востребованность идиомы как поэтизма, несмотря на использование ее в качестве разговорного клише.

Литература

- Крученых 1922 – Крученых А.Е. Сдвигология русского стиха. Трактат обижальный. М., 1922. 48 с.
- Кустова 2004 – Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славян. культуры, 2004. 472 с.
- Петрова 2009 – Петрова Н.Е. Субстантивация и деадвербиализация наречий в современном русском языке // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 63. № 1-2. С. 35–42.
- Фуфаева 2023 – Фуфаева И.В. В *никуда*: от поэтизма до элемента быденного языка // Известия РАН, серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. 55–62.
- Черных 2008 – Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Индрик, 2008. 768 с.

References

- Chernykh, V.A. (2008), *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889–1966* [Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova. 1889–1966], Indrik, Moscow, Russia.
- Fufaeva, I.V. (2023), “V nikuda (“to nowhere”): from poeticism to the element of everyday language”, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk, seriya literatury i yazyka*, vol. 82, no. 4, pp. 55–62.
- Kruchenykh, A.E. (1922), *Sdvigologiya russkogo stikha. Traktat obizhal'nyi* [Shiftology of Russian verse. The offensive treatise], Moscow, Russia.
- Kustova, G.I. (2004), *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmu yazykovogo rasshireniya* [Types of derived meanings and language extension mechanisms], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Petrova, N.E. (2009), “Substantivization and deadverbialization of adverbs in modern Russian language”, *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, vol. 63, no. 1-2, pp. 35–42.

Информация об авторе

Ирина В. Фуфаева, кандидат филологических наук, Высшая школа экономики, Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; iriel@inbox.ru

Information about the author

Irina V. Fufaeva, Cand. of Sci. (Phylology), High School of Economics, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000; iriel@inbox.ru